

DOI: 10.15643/libartrus-2020.5.8

Н. В. Крушевский в оценке американского ученого Дж. Радванска Уильямс

© Г. Г. Тазеев, Г. Х. Шамсеева*, Г. Р. Ахметзянова

Казанский юридический институт МВД России
Россия, Республика Татарстан, 420059 г. Казань, Оренбургский тракт, 128.

*Email: gulnarashamseeva@mail.ru

В статье исследуется вклад Н. В. Крушевского в становление современной лингвистики. С точки зрения современников и зарубежных исследователей, в частности, американского лингвиста Дж. Радванска Уильямс, анализируется его наследие. Особое внимание уделено роли Н. В. Крушевского в деятельности Казанского лингвистического кружка, который стал прообразом Казанской лингвистической школы. Авторы приходят к выводу, что научные труды Н. В. Крушевского в основном имеют положительную оценку как у отечественных, так и у зарубежных лингвистов.

Ключевые слова: лингвист Крушевский Н. В., лингвистическая теория, оценка американского лингвиста Дж. Радванска Уильямс, Казанский лингвистический кружок, звуковой закон.

Наступающий 2021 год будет ознаменован 170-й годовщиной со дня рождения Николая Вячеславовича Крушевского. Однако он все еще остается неизвестным большинству лингвистов, несмотря на то, что имя этого русско-польского ученого было признано научным сообществом, и карьера его как лингвиста довольно успешно процветала в период с 1878 по 1884 год в старейшем Казанском университете царской России. Хотя место Н. В. Крушевского в истории лингвистики еще не определено достойно, ряд исследователей в последние годы акцентировали внимание на важности его лингвистической теории. Высокая оценка научной деятельности Н. В. Крушевского, а также многие аспекты его лингвистической концепции представлены в работе американского лингвиста Дж. Радванска Уильямс «Paradigms Lost: The Reception of Mikolaj Kruszewski's Linguistic Theory by His Contemporaries» (Потерянная парадигма: Восприятие лингвистической теории Николая Крушевского его современниками)¹. В начале своей работы Дж. Радванска Уильямс пишет: «I would like to argue that Kruszewski's theory constitutes a "lost paradigm" in the history of linguistics. Concurrently to the beginning of the neogrammarian period, Kruszewski envisaged "a new science of language" based on different conception of linguistic laws than that of Neogrammarians. This conception, as shown particularly in studies by Roman Jakobson (1960, 1967) eventually exerted an influence on the formation of modern (European) structuralist theory». (Хотелось бы возразить, что теория Н. В. Крушевского составляет потерянную парадигму в истории лингвистики. Вместе с началом неограмматического периода Н. В. Крушевский предвидел новую «науку о языке», основанную на другой концепции, нежели неограмматиков. Эта концепция, как она представлена особенно в исследованиях Романа Якобсона (1960, 1967), в конце концов оказала влияние на формирование современной, европейской структуралистской теории) [16, с. 655]. Кроме влияния Н. В. Крушевского на

¹ Здесь и далее приводится перевод авторов.

Романа Якобсона (1896–1982), есть отклики на теорию Н. В. Крушевского у Фердинанда де Соссюра в «Общем курсе лингвистики», как указано Кернером (1973), хотя и трудно доказать точную степень влияния Н. В. Крушевского на Фердинанда де Соссюра. В то время как «Курс» Фердинанда де Соссюра считался прорывом в лингвистике, то во многом совпадающая с ним общая теория о языке Н. В. Крушевского, подробно изложенная в «Очерке науки о языке» (1883 г.), написанная все же на 30 лет раньше, не смогла иметь такое же влияние, несмотря на все предпринятые усилия Н. В. Крушевского распространять свои идеи.

В вышеуказанной статье представлены институциональные рамки жизни, работы и научной деятельности Н. В. Крушевского. По мнению Дж. Радванска Уильямс единственным, самым решающим фактором для институционального контекста научной деятельности Н. В. Крушевского была его географическая изоляция от центров Европейской лингвистической науки. Возможно, он никогда не встречался с большинством польских и русских лингвистов своего времени. Короткий период его научной карьеры был начат сначала в качестве студента Варшавского университета, затем продолжен в качестве преподавателя классических языков гимназии в небольшом провинциальном городке Российской империи, Троицке, и, в конце концов, как студента И. А. Бодуэна де Куртенэ и его коллеги в Казанском императорском университете. Казанский период Н. В. Крушевского длился с 1878 по 1887 год, после того как он защитил магистерскую и докторскую диссертации и был назначен ординарным профессором сравнительной грамматики в 1883 г., когда И. А. Бодуэн де Куртенэ переехал в г. Дерпт. Пик научной продуктивности Н. В. Крушевского может быть определен периодом с 1879 по 1883 год. К сожалению, он скончался в расцвете творческих сил от прогрессирующей неврологической болезни, которая вывела его из строя в последние два-три года жизни. Последняя статья, которую он написал, была датирована июлем 1884 г. (Н. В. Крушевский, 1885). Его последнее письмо И. А. Бодуэну де Куртенэ было написано в сентябре 1885 г. (Бодуэн де Куртенэ, 1888). В Казани Н. В. Крушевский оставался в тени И. А. Бодуэна де Куртенэ, который в большей степени был его учителем и наставником. Тесная связь Н. В. Крушевского с И. А. Бодуэном де Куртенэ как в личных отношениях, так и работе является наряду с географической изоляцией другим важным фактором, который повлиял и продолжает влиять на принятие теории Н. В. Крушевского.

Н. В. Крушевский объявил о своих намерениях учиться у И. А. Бодуэна де Куртенэ в начале 1875 г. И. А. Бодуэн де Куртенэ уделял много внимания Н. В. Крушевскому после того, как тот прибыл в Казань в 1878 г. Это доказано официальными записями заседаний Совета факультета, а также публикациями в журналах Казанского императорского университета, из которых видно, что в этот период были многочисленные заявления, прошения, сделанные И. А. Бодуэном де Куртенэ в поддержку Н. В. Крушевского. И здесь мы можем проследить развитие карьеры Н. В. Крушевского от студента-выпускника до преподавателя-ассистента с последующей защитой магистерской и докторской диссертаций, от доцента до профессора. Главные работы Н. В. Крушевского «К вопросу о гуне» (1881) и «Очерк науки о языке» (1883), известные также под немецкими названиями *Über die Lautabwechslung* (что является переводом вводной главы «К вопросу о гуне») и *Prinzipien der Sprachentwicklung* (1884–1890), были представлены как его магистерская и докторская диссертации соответственно. Н. В. Крушевский стал вдохновляющей силой Казанского лингвистического кружка, который вырос из его встреч с И. А. Бодуэном де Куртенэ, и которые первоначально предназначались только для одного Н. В. Крушевского с целью ознакомления и обсуждения современной лингвистической литературы.

Следует подчеркнуть, что наиболее выдающимися членами Казанского лингвистического кружка, кроме И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского, были Василий Богородицкий (1857–1941), которой продолжал преподавать в Казани и в советский период, Василий Радлов (1837–1918), выдающийся специалист по тюркским языкам, а также молодые лингвисты того времени Александр Александров (1861–1918) и Сергей Булич (1859–1921), которые позже стали профессорами в Казани и Санкт-Петербурге.

Анализируя вышеизложенную работу мы обратили внимание на то, что Дж. Радванска Уильямс приходит к противоречию, считая: «The effect of geographical isolation on the Kazan linguists was a subtle one which can be only explicated in terms of the relative weight attach to the proximity of a scholar to the recognized centres of scholarship of his time» (Эффект географической изоляции казанских лингвистов был незначительным, что может быть объяснено только с точки зрения относительной важности близости ученого к признанным центрам науки того времени) [16, с. 656]. Парадоксально, что именно И. А. Бодуэн де Куртенэ был главным связующим звеном Казанского лингвистического кружка с западными школами. Будучи большей частью космополитом, И. А. Бодуэн де Куртенэ учился в Германии, где получил докторскую степень в Лейпциге (1870), путешествовал по Европе отчасти с целью изучения славянских диалектов. В Казани И. А. Бодуэн де Куртенэ чувствовал себя как в ссылке, где ему была запрещена преподавательская деятельность, и он переехал при первой же возможности в Эстонию, в г. Дерпт, где тогда еще был германоязычный университет. Напротив, нет свидетельств того, что Н. В. Крушевский чувствовал себя неуютно в Казани и что имелись сомнения в том, что он может влиять на основы лингвистической теории по достоинству и по своей учености. Он не имел возможности путешествовать на Запад и был ограничен в контактах с западными лингвистами. И. А. Бодуэн де Куртенэ выступал представителем как самого себя, так и Н. В. Крушевского. В течение 1881/82 учебного года И. А. Бодуэн де Куртенэ провел несколько месяцев в Париже. Он участвовал в заседаниях Парижского лингвистического общества и однажды принес Фердинанду де Соссюру среди других и работу Н. В. Крушевского «Über die Lautabwechslung». Фердинанд де Соссюр был тогда помощником секретаря Парижского лингвистического общества, и известно, что он прочитал эту работу, сохранились его заметки на полях книги, которая уцелела в библиотеке Женевского университета. Работа «Über die Lautabwechslung», которая была опубликована в Казани в 1881 г., была доступна на Западе, и ценна тем, что знаменитый ученый Карл Бругман просматривал ее в 1882 г.

Сокращенная версия «Очерка науки о языке» Н. В. Крушевского была известна на Западе под названием «Prinzipien der Sprachentwicklung» и издана Ф. Тесмером в нескольких изданиях научного журнала «Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft». И. А. Бодуэн де Куртенэ лично читал оригинальную корректуру (Бодуэн де Куртенэ, 1888). Следовательно, отсутствие незамедлительного влияния Н. В. Крушевского на Запад не может быть отнесено к незнанию его теории. Признанной и существенной заслугой его теории, как оказалось, было ее косвенное влияние на развитие структурализма двадцатого столетия. Тот факт, что его теория потерпела неудачу в приобретении какого-либо парадигматического статуса, в свое время явился комплексным результатом относительной изоляции автора и одновременно периодом консолидации неограмматической парадигмы.

Неограмматическая парадигма могла быть точкой отправления для более полного восприятия теории Н. В. Крушевского его современниками. В то время, как с приемлемой точки зрения 20 века, высказанной, например, представителями Пражской школы, Казанская школа

была воспринята в оппозиции неограмматикам. В глазах своих современников Н. В. Крушевский, так же как и И. А. Бодуэн де Куртенэ в казанский период, был воспринят как часть одного и того же нового движения в лингвистике, как неограмматик.

Неограмматики в своей программе основывались на предисловии Остгофа-Бругмана «*Morphologische Untersuchungen*» (1878), придерживались принципа психологической природы языка, который является главным теоретическим положением Казанской лингвистической школы. Действия «анalogии», открытые К. Бругманом и Остгофом, отразились в психологическом аспекте речевого процесса, которому уделялось недостаточно внимания в более раннем сравнительном языковедении. Методологический вывод признания психологической природы языка был постулатом равного статуса живых и мертвых языков, позволяющим ввести аналогию в счет древних изменений языка. Это расширение аналогии как объясняющего принципа всех уровней языковых изменений сделало возможным предложить исторический звуковой закон, сформулированный в рамках постулата своего неисключительного происхождения. Хорошо известные неограмматические принципы звукового закона и аналогии были отправной точкой откровенной критики Н. В. Крушевским неограмматической теории. По Н. В. Крушевскому, звуковой закон должен иметь одинаковые объяснения, как и закон естественных наук, он должен выражать отношения необходимости, т.е. должен действовать без исключения в одних и тех же условиях. Неограмматическая концепция звукового закона вскрывает внутреннюю несовместимость, одновременно утверждая, что звуковые законы не исключительные, а исключения побуждены аналогией. Таким образом, неограмматический звуковой закон является только утверждением исторической непрерывности, а не насущной потребности.

В своей критике неограмматической концепции в «*Über die Lautabwechslung*» Н. В. Крушевский описывает элементы, которые присутствовали в идеях И. А. Бодуэна де Куртенэ, по крайней мере, в начале 1870-х гг.: различия между синхронией и диахронией в языке (если свободно перевести аргументацию Н. В. Крушевского по отношению к терминам Ф. де Соссюра) и теорию альтернатив, которую И. А. Бодуэн де Куртенэ развивал в своих казанских лекциях. Утверждение о необходимости может быть выражено только синхронно. Единственные звуковые законы показывают соотношение необходимости, что очевидно, например, при адаптации иностранных заимствованных слов в языке. Таковые являются синхронными законами (законы синхронии) фонетических состояний, которые определяют комбинаторную разновидность. Как только эта непосредственная причина фонетических состояний устраняется, звуковой закон перестает быть без исключения. Альтернатива (чередование звуков) сейчас простое соотношение сосуществования и субъект действия таких факторов, как аналогия. Здесь Дж. Радванска Уильямс выделяет: «...Kruszewski's conception of "sound law" thus formulated has been compared to the conception of "rule" in generative phonology (cf. Klausenburger, 1978, Anderson, 1985) (...так, сформулированная концепция «звукового закона» Н. В. Крушевского сравнима с концепцией «правила» в генеративной фонологии (ср. Клаузенбургер, 1978, Андерсон, 1985)) [16, с. 658].

В поисках объяснения неограмматических принципов звукового закона и аналогии в терминах общих законов, управляющих феноменом языка, Н. В. Крушевский выявил природу психологических процессов аналогии. Это исследование феномена аналогии было впервые предпринято в его статье «Об аналогии и народной этимологии» (1879) и привело к теории о грамматической структуре, развитой в его основной работе «Очерк науки о языке» (1883). Следуя

предпосылке, что язык находится в сознании говорящего, Н. В. Крушевский увидел возможность применения к феномену языка ассоциированных законов эмпирической философии и психологии. Язык для Н. В. Крушевского – это «система знаков», которая замещает мысль; система, состоящая из синтаксических, лексических, морфологических и фонологических единиц, которые формируют сложные сети отношений, структурированных законами ассоциаций. Законы ассоциаций по сходству и смежности играют дополнительную роль в лингвистической памяти, ассоциации по смежности являются условием воспроизводства лингвистических форм а, следовательно, стабильности знака, и ассоциации по сходству служат структуре подсистем грамматики, и, таким образом, это является условием продуктивности таких процессов, как аналогия и словообразование. Воспроизводство лингвистических форм – это устойчивая сила, которая уверяет в однородности языка в рамках разговорной общности, в то время как языковая продуктивность является созидающей интегральной силой для изменения языка. Концепция о грамматической структуре Н. В. Крушевского с упором на мотивацию изменений языка и лингвистическое творчество вошла в историю лингвистики косвенным образом через ее влияние на семиотическую теорию Романа Якобсона, а через него и на других лингвистов Пражской лингвистической школы.

В контексте 1880-х гг. теоретические формулировки Н. В. Крушевского были восприняты не как новая теория о языке, а как методологические пояснения неограмматических принципов. Обзор «Über die Lautabwechslung» К. Бругмана (1882) может служить иллюстрацией этого, он игнорирует точку зрения Н. В. Крушевского о синхронии лингвистического анализа. В действительности немецкие научные журналы отклонили публикацию «Über die Lautabwechslung» на основании того, что эта работа больше относится к методологии, чем к лингвистике. В России, где немецкое неограмматическое направление было воспринято как «новое движение в лингвистике», отражающее вершину западной науки (Аппель, 1881), И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский и другие члены Казанской школы были близки к новому направлению, были инструментами в пропаганде их принципов в российских журналах. Н. В. Крушевский первым сделал обзоры статьи К. Бругмана о гортанных звуках и знаменитый «Мемуар» Ф. де Соссюра в российских журналах. Интересно, что до появления этих обзоров даже имена этих ученых не были известны в русской лингвистической литературе.

Доминирование школы И. А. Бодуэна де Куртенэ как главного направления в теории общей лингвистики можно проследить в журналах по лингвистике и филологии того времени: «Филологические записки», основан в 1861 г. в Воронеже А. Хованским; «Русский филологический вестник», основан в 1879 г. в Варшаве М. Колосовым; «Филологические труды», основан в 1883 г. в Варшаве И. А. Бодуэном де Куртенэ, Я. Карловичем, Л. Малиновским, Я. Ханушем. Большая часть работ Н. В. Крушевского была опубликована в последнем из перечисленных журналов. Таблица оглавлений «Русского филологического вестника» за 1879–1898 гг. под заголовком «Общие издания по лингвистике» показывает превалирование статей представителей Казанской лингвистической школы: Н. В. Крушевского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. Богородицкого, А. Александрова, С. Булича и польского лингвиста К. Аппеля (1857–1930), который, как указывал И. А. Бодуэн де Куртенэ, считает себя последователем Казанской лингвистической школы. О существовании определенной новой школы И. А. Бодуэна де Куртене, в которую вошли восемь начинающих и уже известных в лингвистической литературе лингвистов, было известно и раньше, независимо от приезда Н. В. Крушевского в Казань.

В то же самое время школа И. А. Бодуэна де Куртенэ неожиданно стала предметом враждебности, сродни антисемитизму, как сравнивал И. А. Бодуэн де Куртенэ, хотя, без сомнения,

эта враждебность была частично вызвана казанскими лингвистами, которые бескомпромиссно выражали свои взгляды. Под воздействием враждебности И. А. Бодуэн де Куртенэ неожиданно для себя открыл неверие в собственные силы. И его последующее отношение к Казанской лингвистической школе, дающее ему прерогативу как ее основателю, в конечном счете, сделало больше вреда, чем пользы в пропаганде идей Н. В. Крушевского. Бодуэновская неуверенность в себе прицепилась ко всему казанскому периоду и оценке деятельности Н. В. Крушевского. Это наиболее очевидно в статье И. А. Бодуэна де Куртенэ, написанной по случаю смерти Н. В. Крушевского, в которой он обвиняет Н. В. Крушевского в научном высокомерии. Причиной персональной ревности И. А. Бодуэна де Куртенэ может быть лишь один фактор, объясняющий его реакцию на смерть Н. В. Крушевского. Для И. А. Бодуэна де Куртенэ трагедия смерти Н. В. Крушевского в 1887 г. была осложнена смертью еще одного его коллеги, молодого польского лингвиста Яна Хануша, который был основательно подготовлен неограмматики на Западе и уже представил солидное исследование по истории польского языка. Известно, что Н. В. Крушевский в своем курсе лекций по сравнительной грамматике в Казани использовал записи Я. Хануша из курса лекций К. Бругмана, сделанные последним в Лейпциге. Казалось, что самые лучшие надежды польской лингвистики исчезли одним махом. Среди польских лингвистов, как отметил И. А. Бодуэн де Куртенэ, были единицы таких, как Я. Хануш и Н. В. Крушевский, и тот факт, что они умерли в один и тот же год, было огромным ударом для научного сообщества. Это историческое обстоятельство может служить оправданием пессимистического настроения И. А. Бодуэна де Куртенэ в его критической оценке Н. В. Крушевского.

Дж. Радванска Уильямс опубликовала и ряд других статей, посвященных лингвистическому наследию Н. В. Крушевского. Так, в работе «К вопросу генезиса термина „морфема“ в лингвистике» [13, с. 467–468] она пишет, что теория морфемы не получила в исследованиях И. А. Бодуэна де Куртенэ столь широкой разработки, как теория фонемы. Тем не менее теория морфемы получила разработку в исследованиях Н. В. Крушевского, особенно, в его диссертации «Очерк науки о языке». Теория морфемы Н. В. Крушевского остается до сих пор мало известна отчасти из-за того, что Н. В. Крушевский не употребляет построенный И. А. Бодуэном де Куртенэ термин «морфема», предпочитая термин «морфологическая единица». Более подробное рассмотрение теории морфемы в понимании Н. В. Крушевского необходимо для полной оценки школы И. А. Бодуэна де Куртенэ и ее значения в истории лингвистики.

В работе «Восприятие теории Н. В. Крушевского западными лингвистами» (1991) Дж. Радванска Уильямс пишет: «В своей диссертации „Очерк науки о языке“ Н. В. Крушевский первым в мировой лингвистике создал целостную структурную теорию языка (за тридцать лет до „Курса общей лингвистики“ Ф. де Соссюра)» [14, с. 158–159]. Далее интерес западных лингвистов к работам Н. В. Крушевского Дж. Радванска Уильямс связывает с постановкой нескольких вопросов в области теории языка и истории языкознания. Во-первых, это вопрос об основных положениях теории фонологии (С. Андерсон, Ю. Клаузенбургер и Дж. Килбури). Во-вторых, вопрос о теории семиотики и взаимоотношениях основных семиологических положений Р. Якобсона и Ф. де Соссюра. Направление семиологических исследований продолжается и сейчас, после смерти Р. Якобсона. В-третьих, в последнее время возник интерес к теории Н. В. Крушевского в историческом плане в связи с необходимостью уточнить и дополнить наше знание в области истории языкознания. Здесь теория Н. В. Крушевского и вопрос взаимоотношений между Казанской лингвистической школой и западными лингвистами имеют решающее значение для понимания периода младограмматиков (К. Кернер).

В другой своей работе «Изложение истории Казанской лингвистической школы в университетах США» [15, с. 485–486] (1993) Дж. Радванска Уильямс пишет, что Казанская школа имела первостепенное значение для развития общего языкознания во всем мире. Тем не менее далеко не во всех высших учебных заведениях США излагают историю Казанской лингвистической школы при преподавании общего языкознания. Дж. Радванска Уильямс объясняет это своеобразным восприятием американскими лингвистами современной структуральной теории языка: структурализм воспринимается как устаревшая теория, противопоставлением которой является возникшая в шестидесятых годах теория порождающей грамматики. Дж. Радванска Уильямс выдвигает и доказывает положение о том, что основоположником структурализма являются не только Фердинанд де Соссюр, но и И. А. Бодуэн де Куртенэ и Н. В. Крушевский, поэтому, по ее мнению, структурализм как особый теоретический подход к языку возник не в начале двадцатого века, а в семидесятых годах девятнадцатого, и он не был противопоставлен младограмматизму, а возник на той же почве, что и младограмматизм. Кроме того, структурализм в трактовке И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского подчеркивает психологическое начало, психологическую природу языка как гарантию системности языковой структуры.

Интересно и очень важно то, как подчеркивает Дж. Радванска Уильямс, что на Западе постепенно возрастает акцентированность внимания к фонологической теории Казанской лингвистической школы. Она утверждает: «Но ведь эти положения соотносятся с психологической трактовкой языковых явлений. Казанские лингвисты считали существенным вопрос о психологической реальности языковых единиц. В этом отношении Казанская лингвистическая школа близка к положениям порождающей грамматики. Разница в психологизме Казанской лингвистической школы и порождающей грамматики состоит в том, что психологизм Казанской школы – эмпирический, тогда как психологизм порождающей грамматики – генетический. Сходство состоит в том, что психологические категории считаются существенными для понимания языковой системы. Таким образом, можно сказать, что структурализм в более широком историческом понимании, т.е. тот структурализм, который включает Казанскую лингвистическую школу, не противопоставлен современным порождающим подходам» [15, с. 486]. В конце статьи Дж. Радванска Уильямс высказывает пожелание, чтобы история Казанской лингвистической школы вошла в программу каждого курса по истории лингвистических учений в высших учебных заведениях США.

В заключение следует отметить, что американский лингвист Дж. Радванска Уильямс представила объективный научный обзор лингвистической концепции Н. В. Крушевского и его основных научных трудов. Особое внимание уделено роли Н. В. Крушевского в деятельности Казанского лингвистического кружка, который стал прообразом Казанской лингвистической школы. Высокую оценку, несомненно, заслуживает рекомендация Дж. Радванска Уильямс о возможных перспективах изучения истории Казанской лингвистической школы в курсах по истории лингвистических учений в высших учебных заведениях США. На наш взгляд, Н. В. Крушевский как выдающийся представитель Казанской лингвистической школы внес значительный вклад в развитие современного языкознания. К числу наиболее ярких положений Н. В. Крушевского относятся следующие: учение о фонеме, законы ассоциаций по сходству и смежности, теория альтернатив, закон соответствия мира слов миру мыслей и другие; все они значительно обогатили лингвистическую науку.

Литература

1. Крушевский Н. В. *Об «аналогии» и «народной этимологии»*. Казань, **1879**. С.109–120.
2. Крушевский Н. В. *Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией*. Казань, **1879**. С. 94–104.
3. Крушевский Н. В. *Лингвистические заметки: 1. Новейшие открытия в области ариоевропейского вокализма; 2. Изменения согласных групп вида ЕЕ; 3. О морфологической абсорбции*. Казань, **1880**. С. 33–62.
4. Крушевский Н. В. *К вопросу о гуне. Исследования в области старославянского вокализма*. Казань, **1881**. 109 с.
5. Крушевский Н. В. *Отчет о занятиях сравнительным языковедением*. Казань, **1882**. С. 1–36.
6. Крушевский Н. В. *Очерк науки о языке*. Казань, **1883**. 148 с.
7. Крушевский Н. В. *Очерки по языковедению: 1. Французская грамматика; 2. Антропофоника; 3. Важнейшие данные фонетики романских языков*. Казань, 1891, 1893, **1894**. С. 66–271.
8. Крушевский Н. В. *Предмет, деление и метод науки о языке*. Казань, **1894**. С. 1–90.
9. Байрамова Л. К., Тазеев Г. Г. *Казанская лингвистическая школа: Н. В. Крушевский и интерпретация его идей отечественными лингвистами*. Казань, **2010**. 120 с.
10. Богородицкий В. А. *Лекции по общему языковедению*. Казань, **1913**. 246 с.
11. Бодуэн де Куртенэ И. А. *Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х т.* М.: Из-во АН СССР, **1963**.
12. Тазеев Г. Г. Лингвистические законы в трудах Н. В. Крушевского // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Труды и материалы в 2-х т. Казань: КГУ, **2006**. Т. 1.
13. Радванска Уильямс Дж. К вопросу генезиса термина «морфема» в лингвистике. // Шоста Всеукраїнська наукова конференція з історичного краєзнавства. Луцьк, **1993**. С. 467–468.
14. Радванска Уильямс Дж. Восприятие теории Н. В. Крушевского западными лингвистами // Прошлое и настоящее Волини. Материалы Междунар. конференции. Луцк, **1991**. С. 158–159.
15. Радванска Уильямс Дж. Изложение истории Казанской лингвистической школы в университетах США // Шоста Всеукраїнська наукова конференція з історичного краєзнавства. Луцьк, **1993**. С. 485–486.
16. Radwanska Williams J. *Paradigms Lost: The Reception of Mikolaj Kruszewski's Linguistic Theory by His Contemporaries // History and Historiography of Linguistics*. Amsterdam, **1990**.

Поступила в редакцию 23.09.2020 г.

После доработки – 15.10.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.5.8

N. V. Krushevsky in the assessment of american scientist J. Radwanska Williams

© G. G. Tazeev, G. Kh. Shamseeva*, G. R. Akhmetzyanova

*Kazan Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs
128 Orenburgsky Road, 420059 Kazan, Republic of Tatarstan, Russia.*

**Email: gulnarashamseeva@mail.ru*

In the following article, the contribution of scientist N. V. Krushevsky to the formation of modern linguistics is examined. His legacy is analyzed by contemporaries and foreign researchers. Including a high assessment given by American linguist J. Radwanska Williams. Particular attention is paid to the role of N. V. Krushevsky in the activities of the Kazan linguistic society, which became the prototype of the Kazan linguistic school. J. Radwanska Williams presented an objective scientific review of the main provisions of the linguistic concept and works of N. V. Krushevsky. N. V. Krushevsky, as an outstanding representative of the Kazan linguistic school, made a significant contribution to the development of modern linguistics. Among the most striking provisions of N. V. Krushevsky there are the doctrine of the phoneme, the laws of associations by similarity and contiguity, the theory of alternations, the law of the correspondence of the world of words to the world of thoughts, and others; they have all enriched linguistic science. The authors come to the conclusion that the scientific works of N. V. Krushevsky are generally positively assessed by both Russian and foreign linguists.

Keywords: linguist N. V. Krushevsky, linguistic theory, sound law, assessment, J. Radwanska Williams, Kazan Linguistic Circle.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Tazeev G. G., Shamseeva G. Kh., Akhmetzyanova G. R. N. V. Krushevsky in the assessment of american scientist J. Radwanska Williams // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 5. Pp. 352–361.

References

1. Krushevskii N. V. *Ob «analogii» i «narodnoi etimologii» [On “analogy” and “folk etymology”]*. Kazan', 1879. Pp. 109–120.
2. Krushevskii N. V. *Nablyudeniya nad nekotorymi foneticheskimi yavleniyami, svyazannymi s aktsentuatsiei [Observations on some phonetic phenomena associated with accentuation]*. Kazan', 1879. Pp. 94–104.
3. Krushevskii N. V. *Lingvisticheskie zametki: 1. Noveishie otkrytiya v oblasti arioevropskogo vokalizma; 2. Izmeneniya soglasnykh grupp vida EE; 3. O morfologicheskoi absorbtzii [Linguistic notes: 1. The latest discoveries in the field of Ario-European vocalism; 2. Changes in consonant groups of EE type; 3. On morphological absorption]*. Kazan', 1880. Pp. 33–62.
4. Krushevskii N. V. *V voprosu o gune. Issledovaniya v oblasti staroslavjanskogo vokalizma [On the question of guna: A study in the field of Old Slavic vocalism]*. Kazan', 1881.
5. Krushevskii N. V. *Otchet o zanyatiyakh sravnitel'nym yazykovedeniem [Report on comparative language studies]*. Kazan', 1882. Pp. 1–36.
6. Krushevskii N. V. *Ocherk nauki o yazyke [Essay on the science of language]*. Kazan', 1883.
7. Krushevskii N. V. *Ocherki po yazykovedeniyu: 1. Frantsuzskaya grammatika; 2. Antropofonika; 3. Vazhneishie dannye fonetiki romanskikh yazykov [Essays on language studies: 1. French grammar; 2. Anthropophonics; 3. The most important data of the phonetics of Romance languages]*. Kazan', 1891, 1893, 1894. Pp. 66–271.

8. Krushevskii N. V. *Predmet, delenie i metod nauki o yazyke [The subject, partition and method of the science of language]*. Kazan', **1894**. Pp. 1–90.
9. Bairamova L. K., Tazeev G. G. *Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: N. V. Krushevskii i interpretatsiya ego idei otechestvennymi lingvistami [Kazan linguistic school: N. V. krushevsky and interpretation of his ideas by Russian linguists]*. Kazan', **2010**.
10. Bogoroditskii V. A. *Leksii po obshchemu yazykovedeniyu [Lectures on general linguistics]*. Kazan', **1913**.
11. Baudouin de Courteay J. A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. V 2-kh t. [Selected works on general linguistics. In 2 volumes]*. Moscow: Iz-vo AN SSSR, **1963**.
12. Tazeev G. G. III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: I. A. Boduen de Kurtene i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo yazykoznaniiya. Trudy i materialy v 2-kh t. Kazan': KGU, **2006**. Vol. 1.
13. Radwanska Williams J. K voprosu genezisa termina «morfema» v lingvistike. Shosta Vseukrains'ka naukova konferentsiya z istoricheskogo kraeznovstva. Luts'k, **1993**. Pp. 467–468.
14. Radwanska Williams J. Vospriyatie teorii N. V. Proshloe i nastoyashchee Volyni. Materialy Mezhdunar. konferentsii. Lutsk, **1991**. Pp. 158–159.
15. Radwanska Williams J. Izlozhenie istorii Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly v universtitetakh SShA. Shosta Vseukrains'ka naukova konferentsiya z istorichnogo kraeznavstva. Luts'k, **1993**. Pp. 485–486.
16. Radwanska Williams J. *History and Historiography of Linguistics*. Amsterdam, **1990**.

Received 23.09.2020.

Revised 15.10.2020.